

Прокопьева Прасковья Егоровна

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА В ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОМ ФОЛЬКЛОРЕ ЛЕСНЫХ ЮКАГИРОВ

В статье рассматриваются особенности художественной изобразительности в повествовательном фольклоре лесных юкагиров. Специфика художественно-образительных средств в нем во многом определена мифологической природой, которая проявляется в связи произведений с традиционными мифологическими воззрениями, в отношении к излагаемому как достоверному, в обращенности фольклора к молодому поколению.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/6-2/48.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 6 (36): в 2-х ч. Ч. II. С. 170-174. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Факультатив по творчеству писателя-земляка – это своеобразная исследовательская лаборатория, в которой возможны серьезные открытия как в исследовании творчества писателя, так и в изучении родного края. В то же время это неотъемлемая часть учебно-воспитательного процесса. Зародившийся у подростков интерес к предмету исследования может привести их в большую науку, стать толчком к серьезному научному поиску.

Таким образом, литературно-краеведческий факультатив позволяет использовать разные методы, приемы и виды занятий, которые способствуют расширению кругозора учащихся, их познанию национальной культуры народа, углублению знаний по русской литературе и формированию их этнического сознания.

Список литературы

1. Аннинский Л. Три еретика. Л.: Книга, 1988. 352 с.
2. Воловникова Г. М. Классы с углубленным изучением литературы // Факультативные занятия в средней школе: сб. ст. / под ред. М. Н. Колмаковой, М. П. Кузина. М.: Педагогика, 1976. Вып. II. С. 23-33.
3. Лихачев Д. С. Земля родная. М.: Просвещение, 1983. 256 с.
4. Тютчев Ф. И. Лирика. Минск: Вышэйшая школа, 1977. 289 с.

LITERARY-LOCAL HISTORY ELECTIVE CLASS (THE EXPERIENCE OF THE STUDY OF P. I. MELNIKOV-PECHERSKY'S CREATIVITY)

Perevozchikova Nelli Grigor'evna

Nizhny Novgorod State Engineering-Economic Institute
umoiptd@yandex.ru

In the article the significance of the study of local writers' creativity in the work of the school literary-local history optional class is proved. The experience of elective work on the study of P. I. Melnikov-Pechersky's novels "In the Woods" and "On the Hills" is described. The author considers the possibility of the use in the literary-local history work of culturological approach which is based on the intersubject integration of history, study of folklore, ethnography, painting and music.

Key words and phrases: literary-local history elective class; history and culture of the territory; study of the creativity of the writer-countryman; innovative teaching methods.

УДК 398(=554)

Филологические науки

В статье рассматриваются особенности художественной изобразительности в повествовательном фольклоре лесных юкагиров. Специфика художественно-изобразительных средств в нем во многом определена мифологической природой, которая проявляется в связи произведений с традиционными мифологическими воззрениями, в отношении к излагаемому как достоверному, в обращенности фольклора к молодому поколению.

Ключевые слова и фразы: лесные юкагиры; повествовательный фольклор; изобразительные средства; мифологизм.

Прокопьева Прасковья Егоровна, к. пед. н.

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
pproe@yandex.ru

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА В ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОМ ФОЛЬКЛОРЕ ЛЕСНЫХ ЮКАГИРОВ®

Повествовательный фольклор лесных юкагиров, малочисленной локальной группы юкагиров Верхней Колымы, разнообразен по жанровому наполнению. Состоящий из двух крупных отделов, сказочного *чуульдыи* и несказочного *ныэдыишл*, он включает мифологические сказки об образовании и обустройстве Земли, этиологические мифосказки, объясняющие особенности облика и образа жизни представителей животного мира, сказки о Мифических Стариках-людоедах, предания и легенды о шаманах, историко-героические предания, рассказы о людях и событиях прошлого и другие. Художественные особенности и специфика изобразительных средств повествовательных произведений юкагирского фольклора еще не становились предметом специального исследования, между тем эта тема представляет несомненный интерес в изучении самобытного устнопоэтического наследия одного из древнейших народов северо-востока Азии.

Исследователь юкагирской культуры конца XIX – начала XX в. В. И. Иохельсон, описывая характерные формальные и содержательные черты повествовательного творчества верхнеколымских юкагиров, отмечал его лаконичность и сдержанность: «Форма юкагирской речи отличается отсутствием длинных периодов. Она состоит

из весьма коротких, отрывистых предложений, нередко неполных» [2, с. 19]; «В записанных рассказах мы видим переходящие из поколения в поколение предания о действительных фактах, едва прикрашенных фантазией. Как и в других образцах фольклора, фантазия юкагигов бедна и в его эпосе, повествование кратко и отрывисто, побочные детали отсутствуют, нет фона, нет полных картин и нет описаний природы» [Там же, с. 25].

Наружная незамысловатость юкагирских текстов и скудность выразительных языковых средств в них может объясняться доминированием в фольклорной традиции юкагигов мифологического начала, влияющего на внешнюю и внутреннюю формы произведений. Мифологизм произведений, обеспечивающий функциональность фольклора, проявляется в их связи с религиозно-мифологическими воззрениями, в отношении к излагаемому как доподлинно происходившему в древности, поучительности и назидательности [7, с. 15]. Разграничение юкагирского фольклора на сказочный и несказочный жанры достаточно условно, поскольку так называемые сказочные истории даже в изложении и понимании современных информантов определенно балансируют между сказкой и мифом (в юкагирско-русском словаре В. И. Иохельсона *чуульдьиш* обозначает как миф, так и сказку [3, с. 467]), а большинство рассказов *ньиэдьиш* отсылают слушателя к «подлинной» эпохе «древних людей». Так как «мифологические повествования предназначались, прежде всего, для передачи сакральных сведений и преданий о значимых событиях, действительно имевших место быть, с точки зрения членов этнообщества, в древнейшее время» [4, с. 15], пересказ их, по-видимому, требовал минимального творческого вмешательства и близости к оригиналу.

Установка на достоверность в рассказах *ньиэдьиш* хорошо просматривается в их композиционном построении. Зачины произведений, опубликованных В. И. Иохельсоном, подчеркивают реальность происходящего, указывая, как было сказано, на старинное время: «наши древние люди многочисленны были» [2, текст № 32], «у древних людей два шамана были» [Там же, текст № 57], «наши древние люди друг в друга стреляли» [Там же, текст № 58] и т.д. Действительность описанных событий подтверждается и в концовках: «Это вот древних людей предание, моим дедом рассказанное» [Там же, текст № 33], «Еще долго жил. Состарившись, умер» [Там же, текст № 68].

Подобного рода концовки нередки и в записанных исследователем образцах *чуульдьиш*: «дом его еще стоит» [Там же, текст № 12], «вместе с тех пор жить стали» [Там же, текст № 9], «до старости своей питаюсь, сидел (жил)» [Там же, текст № 21], «до сих пор разбогатевши живут» [Там же, текст № 23]. С учетом других объективных факторов (полисемантический термин *чуульдьиш*, случаи номинирования современными информантами фольклорного произведения одновременно как *чуульдьиш* и *ньиэдьиш* и др.) такие концовки в произведениях сказочного типа можно считать признаком промежуточного жанра.

Восприятие отдельных повествований как мифологических, то есть относящихся к мифическому или древнему времени, прослеживается и в современном фольклоре. Как *ньиэдьиш*, так и *чуульдьиш* могут начинаться с традиционных зачинов *чуэльэд омнишэ* 'у древних людей', *чуэльэд омниш параагэ* 'во времена древних людей'. Произведения, близкие к сказочным, иногда имеют формульные концовки, призванные свидетельствовать о невыдуманности сюжета: «так рассказывали», «такая вот быть» [7, с. 15].

Как показывает анализ, мифологическая, и соответственно синкретическая, природа прозаического фольклора юкагигов во многом определила его стилистическое оформление и выбор художественно-образительных средств.

Фольклор лесных юкагигов отражает уклад жизни и культуру арктических охотников, рыболовов, собирателей. Своеобразный быт народа прочитывается в разнообразных образительных средствах: «хоть бы шею (длинной) с (шей) гуся отрезали... все-таки сзади останусь (т.е. не умру), так знайте» [2, текст № 14], «борода его, как заячья шерсть, бела» [Там же, текст № 77], «лыжи, куда меня понесете, подобно верховому оленю» [Там же, текст № 105], «ложе реки расширилось, просто как море» [Там же, текст № 77], «человек в луже воды тонет» (т.е. заболел) [Там же, текст № 38], «точно дом (так высоко) дров наколол» [Там же, текст № 17].

Наряду с выделением единичных выразительных средств, таких как «удалой охотник» [Там же, текст № 11], «все равно как ягоду его ем» (медведь о человеке) [Там же, текст № 13], можно говорить о наличии в устном творчестве лесных юкагигов устойчивых троп, сравнений и клише. Например, в сказочных и несказочных текстах красота героев часто сравнивается с солнцем: «солнцу подобный юноша оленей гнал» [Там же, текст № 27], «она светилась подобно солнцу» [3, с. 367]. Данное сравнение не случайно: Солнце является высшим божеством в языческих верованиях верхнеколымских юкагигов. В юкагирском фольклоре Солнце гневается и темнеет, если происходит кровосмешение («Солнце рассердится» [Там же, с. 339-340]) и смертоубийство среди юкагигов («Острое если делать будем, солнце будет сердиться», «Солнце, не сердись! Мы друг с другом помирились...» [2, текст № 36]), когда проливается много крови в войнах («Довольно! Вас очень много убил – солнце на меня сердиться будет» [Там же, текст № 31], «Острое если сделаем, пусть солнце на нас большую печать пошлет...» [Там же, текст № 52]); именем Солнца можно найти спасение («Во имя Солнца отпустите меня!» [3, с. 350], «Если ты древний человек, на Солнце смотри, Солнце вспомни. Если ты еще более древний, Бога Солнца вспомни. Если это помнишь, то меня не убивай!» (записано автором от Н. Н. Дьячкова, 1912 г. р., в 1989 г. в с. Нелемное Верхнеколымского района Якутии)); женское украшение круглой формы, символизирующее солнце, способно остановить гигантского людоеда *Чуульдьиш Пулута* и уничтожить его [2, текст № 19]. Известно, что юкагиры посвящали Солнцу свой основной праздник, который проводили летом. Юкагирский ученый Н. И. Спиридонов в 1930 г. в журнале «Советский Север» писал об этом: «Национальные празднества в начале лета есть действие, при помощи которого показывается главному покровителю – солнцу мир, любовь и согласие...» [9, с. 43].

В свете сказанного объяснимо сравнение с солнцем красивой одежды в одном из рассказов: «как солнечные лучи... (такую одежду) ... одели» [2, текст № 28]. В юкагирском языке для обозначения красоты существуют определения *омосьэ* ~ *омочэ* 'хороший; красивый; прекрасный', *ньайдильсьэ* 'очень красивый', которые распространены в фольклоре. Сопоставление с солнцем подразумевает наивысшую оценку тому, о ком или о чем говорится.

С солнцем в юкагирском фольклорном творчестве также ассоциируется сама жизнь и счастливое бытие: «Солнечного света появление очень прекрасно!» [3, с. 341], «Солнце не светит, день не светит, в темноте живу. Печаль задавила меня» [2, текст № 69].

Традиционным для юкагирской поэтики следует считать соотнесение с красивым белого цвета: «Точно лунный свет, так красив» [Там же, текст № 105], «Красивые юкагирские дома, белые как снег» [Там же]. Здесь нужно заметить, что белое у юкагиров напрямую ассоциируется и с солнцем: в одном из старинных юкагирских преданий [Там же, текст № 23] солнце вместо обычного *пузу* (буквальный перевод 'тепло') названо словом *подьорхо* – *йонкичлдэгэ подьорхондьэ аачижэ кэлул* 'с солнцем во лбу олень пришел'. Слово *подьорхо* 'день', по словарю В. И. Иохельсона, обладает дополнительными значениями 'светлый, белый' [3, с. 463]. Сравните другие слова: *пойнэ* – 'белый', *поньхо* 'I. свет', 'II. белый', *подьорхо* – 'быть ясным', *подього* 'блеск; свет', *подьольбоой* 'светлый', *подьорхот-* 'светать, рассветать' и т.д. С учетом однокоренных слов фольклорное *подьорхо* можно перевести как 'светлое', 'светило'. Указание на тождество белого с солнцем видно в другом предании, где о чистой белой скатерти в доме русского начальника сказано: «...две гладких на ногах доски поставили, на это сверху солнечному лучу подобную одежду разложили – глаза стыдятся!» [2, текст № 28].

В сказках устойчивым оборотом является выражение «приклеиться к шестку», очевидно, образно передающее старость и немощь: «В этот дом вошел. К шестку прилипшая старуха сидит» [Там же, текст № 23], «Старик со старухой к шестку приклеились, там умерли, приклеившись» [Там же, текст № 11]. По поводу последнего текста необходимо, правда, уточнить, что, по сказке, старик со старухой приклеились к шестку потому, что пришедшие к ним мстить в образе волков сестры намеренно опрокинули у огня клейницу.

Шестком называется площадка под очагом. В традиционной юкагирской культуре очаг, огонь олицетворяют жизнь, энергию, благополучное существование. Юкагиры верили в Хозяина Огня – добродетельное божество, к которому посредством обряда кормления огня обращались с просьбами послать охотничью удачу, семейное благополучие, счастливую жизнь. По фольклорным материалам В. И. Иохельсона, у Огня юкагиры просили, в частности, спасти их от смерти [3, с. 207], послать хорошее, отворотить беду [Там же, с. 300].

Выражение «приклеиться к шестку», видимо, в переносном смысле описывает слабость стариков, греющихся у теплого места, не могущих поддерживать полноценный огонь. Примеры образного изображения старческой немочи находим и в песенном фольклоре лесных юкагиров. Так, в песнях старых людей поется:

Ко мне старость пришла,
Как упавшее дерево свалила (меня),
Словно обгорелый пень (я) стал [2, текст № 85];
Когда весеннее солнышко
Всходит, *йолугэ танэ*,
Вытягиваю (песню), чем вытяну,
Состарившись, *йолугэ-йо* [6, с. 126]...

Метафористическое определение старости имеется в юкагирском языке: слово *йоллораа* 'трухлявое дерево; гнилушка' используется также в переносном значении 'старуха'. Конкретно для оборота «приклеиться к шестку», характеризующего старость, в качестве аналогии можно привести сравнение из одного юкагирского рассказа: «сами встать не могли... так состарились» [2, текст № 67]. Восприятие шестка как символа тепла, средоточия жизненных сил можно наблюдать в другой сказке лесных юкагиров. В ней старик, заподозрив старуху в обмане, убивает ее, затем, поняв свою ошибку, склеивает и кладет на шесток, после чего она оживает [Там же, текст № 1].

В связи с исследованием образительных особенностей повествовательного фольклора лесных юкагиров обращают на себя внимание исторические предания, повествующие о межродовых и межплеменных столкновениях. С одной стороны, эти предания передают реальные события старины с упоминанием конкретных мест, рек, гор. С другой – их отличает наличие гипербола, эпитетов, сравнений, с помощью которых юкагирские воины рисуются фантастически сильными, выносливыми и бесстрашными. Как свидетельствуют этнографические и фольклорные данные, главными причинами вооруженных стычек прошлого были борьба за охотничьи территории и кровная месть. Способность защищать род от нападения врагов высоко ценилась в юкагирском обществе: по В. И. Иохельсону, в родовой иерархии сильнейший среди воинов *тонбэйэ шоромо* занимал важное место после старейшины *лигэйэ шоромо* и шамана *алма* [3, с. 180]. У юкагиров, сообщал В. И. Иохельсон, существовал институт «сильного мужчины», где занимались обучением воинов, их физической подготовкой [Там же, с. 181-182].

Предания о подвигах сородичей специально пересказывались на летнем празднике юкагиров, во время которого проводили также соревнования и игры для воинов, организовывались военные союзы.

По всей видимости, дидактическая функция фольклора, в частности историко-героических произведений, призванных сохранить в памяти потомков невыдуманные факты из исторического прошлого, обусловила

его содержательные признаки, в том числе предпочтительные выразительные средства. Образы храбрых воинов из преданий, живописующих события минувших дней, должны были служить примером для молодого поколения, образчиком для подражания и, следовательно, изображались ярко, выпукло.

Характеризуя предания о воинах, В. И. Иохельсон писал, что они обнаруживают преувеличенную оценку доблести древних «сильных людей». В этих повествованиях один «сильный мужчина» мог сражаться с целым отрядом воинов, уклоняться от тысячи стрел, а вражеское копьё попадало не в него, а в пустое пространство или возвращалось обратно [Там же, с. 180-181]. Фольклор в экспрессивной форме описывает невероятную ловкость юкагирских мужчин: «по ламутским головам прыгал он, сражаясь» [2, текст № 31], «мальчик ходил по головам коряков, поражая их копьем» [3, с. 373]. Нужно отметить, что аналогичное гиперболизированное отображение физического потенциала воинов типично и для сказаний тундренных, нижнеколымских, юкагиров: их богатырь Эдилвей с легкостью перепрыгивает встречающихся у него на пути реки, руками ловит диких оленей, перепрыгивает через головы врагов [10, тексты № 1, № 2, № 3, № 5].

В целях обрисовки невероятных усилий и безграничных возможностей воинов предания лесных юкагиров образно показывают большое количество врагов: «как земля (песок) лежали» [2, текст № 31], «ламутские воины пришли, точно комары» [Там же], «люди видели коряков, падающих как скошенные стебли травы» [3, с. 372], «поверхность озера была черной от мертвых коряков» [Там же]. Некоторые из этих сравнений частотны для устного народного творчества лесных юкагиров в целом. Например, в сказках говорится: «оленей – просто как комары, так много» [2, текст № 23], «затем пришло очень много зайцев, их было так много, как песчинок на земле» [3, с. 359]; в рассказах множество юкагиров обозначается оборотом «точно земля плыли» [2, текст № 28], «много, словно комаров» (записано автором от Е. Н. Дьячковой, 1914 г. р., в 2005 г. в п. Зырянка Верхнеколымского района).

В исторических преданиях о вооруженных конфликтах встречаются и такие образные выражения, как «если на солнце мои реберные кости белея высохнут, (из этого) ничего не будет» (т.е. если убьешь, то разве будет в этом толк) [Там же, текст № 35], «кости (моих) детей по воде сплавит» (т.е. корякский князец убьет людей юкагирского князца и спустит их в воду) [Там же, текст № 53].

Поэтические обороты наблюдаются также в исторических преданиях другой тематики. К примеру, в «Предании о приходе русских к юкагирам» есть следующие фразы: «отныне, пока глаза видят, в это место снова не придем» [Там же, текст № 28], «мы без покрывала для лица не помрем» («лицевое покрывало», которым закрывали лицо покойника, здесь обозначает убитых врагов, т.е. «не умрем, не убив врага») [Там же].

Традиционные приемы описания выдающихся физических способностей юкагирских богатырей унаследовал современный фольклор лесных юкагиров: «Когда он (прапрадед) стал одевать камусные лыжи, натягивал ремешки лыж, то увидел, что вокруг него образовали (коряки) круг и кольцо воинов вокруг него сжалось, что вокруг него три круга. Тут прапрадед напрягся, сделал толчок, опершись на лыжи, и оказался уже за третьим кругом»; «Два сына старичка через дверь не вышли, через дымоход вышли. Выйдя, по человеческим головам (врагов) ходя, дважды заходили свои копыта оттаивать»; «Такой сильный, ловкий очень (Халантин). Четырем людям не поддается. Не могут побороть его. Когда прыгает, пятнадцать метров летит. Страшный человек» [8, с. 28].

Применение художественных средств характерно и для создания образов удачливых охотников. Традиционная хозяйственная деятельность юкагиров, в основе которой лежали охота и рыболовство, обусловила значимый статус охотника рода, чей тяжелый и ответственный труд обеспечивал общине пропитание и одежду. Лучший из охотников, именуемый *хаңичэ* (от *хаңи* – ‘преследовать, гнать’), пользовался заслуженным уважением в родовой группе. В целях воспитания в юношах качеств, необходимых для овладения охотничьим искусством, юкагиры уделяли большое внимание их физическому развитию: будущие охотники постоянно упражнялись в стрельбе из лука, в беге на дальние дистанции.

В текстах из фонда В. И. Иохельсона при описании ловких и сильных охотников используются образные определения, сравнения и гиперболы: «удалой (на промысле) человек» [2, текст № 11], «тропа его точно ледяная стала» (т.е. так много он возил по ней животных, что она затвердела) [Там же], молодой охотник за раз приносит в дом то двух медведей, то двух горных баранов, то двух лосей [Там же, текст № 105].

В архиве экспедиции Института языка, литературы и истории Якутского филиала АН СССР 1959 г. есть юкагирская сказка, в которой повествуется о рослом ламуте, преследующем от Магадана восьминогую лосю. На предложение юкагира попить с ним чаю, тот отвечает: «Э, некогда! Снег в твоём котле пока растает, добегу обратно!» [11, с. 54].

Физические способности хороших охотников ярко отображены в произведениях, записанных в современное время. Например, рассказывается: «Раньше жил один человек-юкагир с семьей. Очень сильный, могучий. Вместо лыж были бревна. Ходил на охоту. Однажды он убил двух сохатых, тут же разделал и положил в кожаный мешок, сшитый из шкур сохатого. Домой пришел». В другом произведении говорится: «Давно, в старое время, у юкагиров был старик Атиляхан. Трех сыновей имел. <...> Свой промысел (они) на себе в дом доставляли, будь то дикий олень, маленький ведь, лосю – часть на себе, часть на свои лыжи спереди, сзади положив, так доставляли. Такие дети были» [5, с. 90].

С традицией образного описания физической силы охотника связано поэтическое выражение из старинной сказки, где Ворон хвастается перед Куропаткой своей охотничьей удалью: «Холодным утром я совершаю круг по всем семи речным вершинам... <...> Видишь, какой я бравый охотник» [3, с. 349]. Надо сказать, что В. И. Иохельсон сообщал о выдержке и выносливости юкагирских охотников: «Я видел молодых людей, которые пробегали около семи миль по зимнему льду Ясачной без отдыха и одышки, лишь

покрываясь потом» [Там же, с. 183]. Устойчивость приведенной формулы находит подтверждение в современных записях устного творчества лесных юкагиров. Так, в предании о богатыре Халандине герою дается такая характеристика: «Он мог в день по вершинам семи рек проходить. По одной речке спустившись, по другой – подняться. Так и обратно. В общем, расстояния он проходил очень большие» (записано О. С. Чернецовым от В. Г. Шалугина в 1987 г. в г. Якутске, из личного архива Л. Н. Жуковой, с.н.с. сектора палеоазиатской филологии ИГиИПМНС СО РАН).

Гиперболическое изображение могучих охотников в несказочном фольклоре юкагиров, как и воинов из исторических преданий, выполняло, полагаем, воспитательную задачу – формирование у молодежи лучших моральных качеств и совершенствование физических возможностей, поскольку от успехов на охоте и в военных действиях зависело благополучие родовой общины.

Таким образом, можно сделать следующие основные выводы. Художественное своеобразие повествовательного фольклора лесных юкагиров неразрывно связано с их образом жизни охотников-рыболовов, основанным на тесном взаимодействии с природным окружением. Нередко происхождение выразительных средств обусловлено традиционными мифологическими воззрениями народа, к примеру, сравнение красоты с солнцем, отождествление с солнцем радостной жизни берут истоки в верованиях юкагиров, согласно которым Солнце является главным божеством в религиозном пантеоне. Фольклорные произведения лесных юкагиров включают как единичные примеры художественной изобразительности, так и устойчивые выражения. Типичные художественные приемы свойственны текстам, где фигурируют юкагирские воины и охотники. Этим повествованиям присущи широкое использование эпитетов в характеристиках героев, гипербол – при описании их физической силы, при указании количества воинов, употребление образных выражений. Наличие данных изобразительных особенностей в произведениях, рассказывающих о реальных событиях прошлого, предопределено их ориентацией на идеализацию и героизацию выдающихся соплеменников.

В заключение статьи уместно привести слова ученого-североведа В. Г. Богораза, так писавшего о художественной силе бесхитростных сказаний чукчей: «Сравнительная простота чукотских сказок несколько не исключает оригинального величия описываемых картин и положений, которые свидетельствуют о высоком напряжении творческой фантазии и прекрасно гармонируют с мрачной, но величавой природой полярного океана с его ледяными скалами, вечно дующими ветрами и таинственными сияниями» [1, с. VII].

Список литературы

1. **Богораз В. Г.** Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. СПб., 1900. Ч. I. Образцы народной словесности. XXXVI+417 с.
2. **Иохельсон В. И.** Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. Якутск: Бичик, 2005. 272 с.
3. **Иохельсон В. И.** Юкагиры и юкагиризованные тунгусы / пер. с англ. В. Х. Иванова, З. И. Ивановой-Унаровой. Новосибирск: Наука, 2005. 675 с.
4. **Прокопьева П. Е.** О двух циклах в фольклоре лесных юкагиров (вопрос о сохранности и трансформации сюжетов) // Сибирский филологический журнал. 2011. № 3. С. 14-23.
5. **Прокопьева П. Е.** Образ охотника в фольклорных текстах лесных юкагиров // Феномен социализации в этнической культуре: материалы Одиннадцатых этнографических чтений. СПб.: ИПЦ СПбГУТД, 2012. С. 89-94.
6. **Прокопьева П. Е.** Отражение мифологического мышления в юкагирском фольклоре. Новосибирск: Наука, 2009. 143 с.
7. **Прокопьева П. Е.** Повествовательный фольклор лесных юкагиров: особенности функционирования в настоящее время // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013. № 1. С. 14-18.
8. **Прокопьева П. Е.** Фольклор лесных юкагиров в конце XX – начале XXI века // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2011. № 3. С. 25-31.
9. **Спиридонов Н. И.** Одулы (юкагиры) Колымского округа. Якутск: Изд-во «Северовед», 1996. С. 6-50.
10. **Фольклор юкагиров** / сост. Г. Н. Курилов. М. – Новосибирск: Наука, 2005. 594 с.
11. **Юкагиры:** историко-этнографический очерк. Новосибирск, 1975. 244 с.

FIGURATIVE MEANS IN THE NARRATIVE FOLKLORE OF FOREST YUKAGHIRS

Prokop'eva Praskov'ya Egorovna, Ph. D. in Pedagogy
*The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North
of Russian Academy of Sciences (Branch) in Siberia
pproe@yandex.ru*

In the article the peculiarities of artistic figurativeness in the narrative folklore of forest Yukaghirs are considered. The specificity of artistic-figurative means in it is determined in many respects by the mythological nature which becomes apparent in the relation of works with traditional mythological views, in the attitude towards the narration as reliable, in the addressing of folklore to the younger generation.

Key words and phrases: forest Yukaghirs; narrative folklore; figurative means; mythologism.